

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИННО-УГОРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Современная падежная система пермских языков может интересовать исследователя с разных точек зрения. Можно поставить вопрос об установлении основных этапов развития этой системы, можно также поставить вопрос о причинах изменения значений падежей или исчезновения падежей, некогда существовавших в этой системе, о намечающихся тенденциях ее дальнейшего развития и т. д. В данной статье нам хотелось бы дать общую схему развития падежной системы пермских языков, используя для этой цели различные данные.

Падежная система коми-зырянского и удмуртского языков, если не принимать во внимание некоторые частные особенности, присущие каждому из этих языков в отдельности, отличается удивительным единообразием:

Коми-зырянск.

Удмуртск.

Именительный	<i>вөр</i> 'лес'	<i>луд</i> 'поле'
Родительный	<i>вөр-лөн</i> 'леса'	<i>луд-лэн</i> 'поля'
Притяжательный	<i>вөр-лысь</i> 'леса'	<i>луд-лэсь</i> 'поля'
Дательный	<i>вөр-лы</i> 'лесу'	<i>луд-лы</i> 'полю'
Винительный	<i>вөр</i> или <i>вөр-сö</i> 'лес'	<i>луд-эз</i> 'поле'
Творительный	<i>вөр-өн</i> 'лесом'	<i>луд-эн</i> 'полем'
Лишительный	<i>вөр-тöг</i> 'без леса'	<i>луд-тэк</i> 'без поля'
Местный	<i>вөр-ын</i> 'в лесу'	<i>луд-ын</i> 'в поле'
Исходный	<i>вөр-ысь</i> 'из леса'	<i>луд-ысь</i> 'с поля'
Вступительный	<i>вөр-ö</i> 'в лес'	<i>луд-э</i> 'в поле'
Приблизительный	<i>вөр-лань</i> 'в сторону леса'	<i>луд-лань</i> 'к полю'

Отдалительный	<i>вөр-сянь</i> 'от леса'	<i>луд-ысен</i> 'с поля'
Переходный	<i>вөр-öd, вөр-ті</i> 'по лесу'	<i>луд-(э)-ті</i> 'по полю'
Предельный	<i>вөр-ödэ</i> 'до леса'	<i>луд-озь</i> 'до поля'.

Помимо этих общих падежей, в каждом из языков имеются некоторые свои специфические падежи. Так, например, в коми-зырянском языке есть такие падежи, как достигательный (*пес-ла* 'за дровами') и соединительный (*морт-көд* 'с человеком'), которых нет в удмуртском. И наоборот, в удмуртском языке есть специфический наречный падеж (*лудъя* 'по полю'), отсутствующий в коми-зырянском.

В некоторых южных диалектах коми языка и во всех говорах пермяцкого диалекта употребляется так называемый преклюзив, или сравнительный падеж, на *-ся* (*-s'a*), например: *мортся* 'по сравнению с человеком' или 'кроме человека', также отсутствующий в коми-зырянском литературном языке.

Все падежи пермских языков можно разделить на две категории — падежи субъектно-объектные и локальные, или местные.

Субъектно-объектные падежи

В русском языке к субъектно-объектным падежам можно отнести именительный, родительный, дательный и винительный. В пермских языках такие падежи, как родительный и дательный, являются по происхождению местными падежами. Исходя из этих соображений, мы будем рассматривать историю их происхождения в разделе о местных падежах.

Происхождение формы именительного падежа не составляет особой проблемы. В отличие от индоевропейских языков, именительный падеж в финно-угорских языках не имел особого окончания. Изменения древней формы именительного падежа происходили в результате процессов изменения конца слова, о чем можно найти исчерпывающие сведения в существующей литературе вопроса.

Особую проблему представляет происхождение винительного падежа.

Многие исследователи этого вопроса предполагают, что в пермских языках некогда существовал так называемый *м-овый* аккузатив. Так, например, коми-зырянское слово *вөр* 'лес' имело когда-то форму винительного падежа *вөрöм*. Позднее конечное *м* отпало и форма винительного падежа стала совершенно омонимичной форме направительного падежа *вөрö* 'в лес'. Для устранения омонимии язык использовал притяжательный суффикс 3-го лица *-ыс*, в результате чего

возникли современные формы винительного падежа: *vörsö* 'лес', *mortös* 'человека', удм. *лудез* 'поле', и т. д. Однако эта гипотеза не свободна от противоречий. Почему гласный основы в форме именительного падежа представлен в виде *ö* или *э* (*ä*), тогда как в других падежных формах он может быть представлен в виде *ы* (например: *vöрысь* 'из леса', *vöрын* 'в лесу')?

Возможно, что гласный *ö* в форме винительного падежа представляет по своему происхождению эмфатическую частицу *ö*, наподобие эмфатической частицы *ö*, встречающейся в составе личных местоимений типа *сийö* (*сийе*) 'он'. Основа этого местоимения — *си-*, *сы-*, ср. формы косвенных падежей: *сы-лön* 'его', *сы-лы* 'ему'; ср. также местоимение *найö* ('они' (*найе*), при наличии форм косвенных падежей *на-лön* 'их' и *на-лы* 'им'.

Что касается происхождения элемента *-с* в суффиксе *-сö*, то это *-с* по происхождению является усеченной формой притяжательного суффикса 3-го лица ед. и множ. числа *-ыс*, выступающего, например, в таких формах, как *вокыс* 'его брат', *керкаыс* 'его дом', и т. п.¹

Способность притяжательного суффикса определять имя существительное, выделять его из ряда ему подобных, была использована для создания окончания определенного винительного падежа. Аналогичный путь формирования окончания определенного винительного падежа имел место также в тюркских языках; ср., например, татарскую форму определенного винительного падежа от слова *кыз* 'девушка' — *кызны*, где *-ы*, по предположению некоторых ученых, представляет притяжательный суффикс 3-го лица ед. и множ. числа; ср., например, форму *кыз-ы* 'его (или их) девушка'.

Неодинаковое местоположение местоименного элемента *-с* в суффиксах *-сö* и *-ös* объясняется тем, что суфф. *-сö* представляет собой более древнее образование, когда к определенной форме имени существительного присоединялся показатель винительного падежа *-ö* или *-öm* (в зависимости от предполагаемого пути его происхождения); тогда как форма на *-ös*, представляющая собой форму определенного винительного падежа преимущественно от имен существительных одушевленных (например: *mortös* 'человека', *вокös* 'брата', и т. п.), могла проникнуть из сферы личных местоимений; ср. такие формы, как *сий-ös* 'его', *най-ös* 'их', и т. д.

¹ Y. Wichmann. Zur permischen Grammatik. FUF, Bd. XVI, Hft. 2—3, 1924, стр. 160.

Местные падежи

В пермских языках древнейшей поры было довольно много различных местных падежей.

Есть основание предполагать, что в образовании системы падежей современных пермских языков принимали участие следующие древние местные падежи:

- | | |
|------------------------------|-----------------------------|
| 1) Суперэссив на <i>-l</i> , | 7) Латив на <i>-j</i> , |
| 2) Локатив на <i>-n</i> , | 8) Латив на <i>-s'</i> , |
| 3) Локатив на <i>-an</i> , | 9) Латив на <i>-a</i> , |
| 4) Пролатив на <i>-en</i> , | 10) Латив на <i>-n'</i> , |
| 5) Локатив на <i>-t</i> , | 11) Латив на <i>-y(i)</i> , |
| 6) Локатив на <i>-i</i> , | 12) Латив на <i>-e</i> , |

Суперэссив на *-l*

Суперэссив на *-l* в современных пермских языках представлен элементом *-l* в суффиксах целой серии так называемых *л-овых* падежей. К этой серии относятся: родительный падеж (коми *вӧр-лӧн* 'леса', удм. *луд-лэн* 'поля'), притяжательный (коми *вӧр-лысь* 'леса', удм. *луд-лэсь* 'поля'), дательный (коми *вӧр-лы* 'лесу', удм. *луд-лы* 'полю'), приблизительный (коми *вӧр-лань* 'по направлению к лесу', удм. *луд-лань* 'к полю').

Согласно широко распространенной гипотезе, элемент *-l* возводится к словообразовательному суффиксу *-la*, выступающему в таких словах, как финск. *rappila* 'дом священника', *arrela* 'дом тестя', *setälä* 'дом дяди'. При образовании форм местных падежей слов, имеющих в своем составе суфф. *-la*, произошло переразложение основы, в результате чего *-l* вместе с падежным суффиксом стал восприниматься как показатель падежа. Таким путем новый суффикс абстрагировался и стал распространяться шире.

Исходным материалом для образования *л-овых* падежей в пермских языках, по мнению Й. Синнеи, послужили такие образования, как коми-зыр. *водзла* 'передняя часть', *бӧрла* 'задняя часть', и т. д.²

Падежи, содержащие в составе показателей элемент *-l* в прибалтийско-финских, а также в пермских языках, имеют вполне определенную семантику: они обозначают или движение по направлению к предмету, без проникновения в его внутреннюю сферу, или местонахождение на поверхности

² J. Szinyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910, стр. 73—74.

предмета. Таким образом, понятие внутренней сферы предмета совершенно исключено из значения внешнеместных падежей, ср. финск. *pöydällä* 'на столе', *pöydälle* 'на стол', *pöydältä* 'со стола'.

Интересно при этом подметить, что так называемые внутреннеместные падежи упорно сопротивляются проникновению элемента *-l*, ср. формы иллатива—финск. *taloon* 'в дом', коми-зыр. *керкаö* 'в дом', мар. *чодрашке* 'в лес'; формы эллатива—финск. *talosta*, 'из дома', коми-зыр. *вöрысь* 'из леса', и т. д.

Отсюда может быть сделан только один вывод: элемент *-l* мог послужить показателем внешнеместных падежей только в том случае, если он сам обладал какой-то сходной семантикой. Насколько известно, словообразовательный суффикс в таких образованиях, как финск. *setälä* 'дом дяди' или коми-зыр. *бöрла* (дор), 'задняя часть' *водзла* (дор) 'передняя часть' такой семантикой не обладает. Поэтому, если рассуждать чисто логически, становится совершенно непонятно, каким образом этот элемент мог стать показателем внешнеместных падежей.

Существующая гипотеза о происхождении *л*-ового элемента в составе окончаний внешнеместных падежей также не в состоянии объяснить и другой факт: если элемент *-l* падежных формантов, возникший вследствие переразложения основ, механически распространился на некоторые падежи, то почему путем такого же механического распространения он не мог проникнуть в состав показателей внешнеместных падежей?

Все это явно свидетельствует, что общепринятая гипотеза не верна по самой своей сущности. Происхождение *л*-ового элемента окончаний внешнеместных падежей, по нашему мнению, следует искать не в словообразовательном суффиксе *-la*.

Элемент *-l*, вероятнее всего, произошел от показателя какого-то древнего *л*-ового внешнеместного падежа.

Таким падежом мог быть *л*-овый суперэссив, обозначавший местонахождение предмета на поверхности другого предмета. Окончанием этого падежа было *-l*.

В пермских языках *л*-овый суперэссив в чистом виде не сохранился, но в других финно-угорских языках мы находим его явные следы.

Прежде всего мы имеем в виду образования типа лапл. (норв.) *baggiel* 'над', *mangel* 'после', *avdal* 'перед', *vuollet* 'под', мар. *лишыл* 'вблизи', и т. д. *Л*-овый суперэссив в пермских языках, обладавший вполне определенной и четкой

семантикой, мог быть использован как основа для создания целой серии внешнеместных падежей.

В этой связи обращает на себя внимание прежде всего так называемый достигательный падеж, или консекутив, в современном коми-зырянском языке, имеющий показатель *-ла*, например: *Муна вөрö тшакла* 'Иду в лес за грибами'. Первоначально этот падеж был внешнеместным лативным падежом, обозначавшим движение по направлению к предмету, без проникновения в его внутреннюю сферу. Поэтому предложение *Муна вөрö тшакла*, очевидно, некогда означало: 'Я иду к грибам' или: 'Я иду в ту сторону, где растут грибы'. В пользу такого предположения говорит тот любопытный факт, что коми-зырянскому достигательному падежу в других языках соответствует дательный или направительный падеж, ср. татарск. *суга барырга* 'идти за водой', удм. *вулы мыныны*, манс. *витн минушке*, мар. *вјтлан каяш*, хант. *йингка манта*.

Древнейший направительный падеж на *-ла* отчасти сохранился в современном марийском языке, обозначая там неопределенное направление движения, например: *Йошкар-Олашкыла кайыше корно* 'дорога, идущая по направлению к Йошкар-Оле', ср.: *Йошкар-Олашке кайыше корно* 'дорога, идущая в Йошкар-Олу'.

Направительный падеж на *-ла* был ярко выраженным внешнеместным падежом, означавшим движение по направлению к предмету без проникновения в его внутреннюю среду. Показатель направительного падежа *-ла* составлен из двух элементов: *-л* — показатель суперэссива, *-а* — показатель другого направительного падежа, так называемого латива на *-а*.

От форманта древнего направительного падежа *-ла*, вне всякого сомнения, происходит суффикс приблизительного падежа *-лань*, где суффикс направительного падежа был осложнен другим лативным суффиксом *-нь*.

Появление двух падежных суффиксов — *-ла* и *-лань* — создавало впечатление, будто элемент *-л* символизирует в них движение по направлению к предмету, что предлагало весьма благоприятные условия для образования целой серии так называемых *л-овых* внешнеместных падежей. Дательный падеж на *-лы*, несомненно, относится к этой же серии, причем первоначально он имел значение какого-то направительного падежа. Сферы разграничения направительного падежа на *-ла* и направительного падежа на *-лы* (современного дательного) не ясны.

В дальнейшем *л-овый* показатель был также использован для выражения движения от поверхности предмета, чем и

объясняется возникновение особого отложительного падежа на *-лысь* (удм. *-лэсь*). Первоначально падежные формы типа коми-зыр. *вӧрлысь*, удм. *гуртлысь* означали 'от леса', т. е. 'от края леса', 'от деревни', т. е. 'от края деревни', и т. д.

Е. С. Гуляев предполагает, что первоначально этот падеж обозначал отчуждение предметов из-под власти лица-обладателя.³ Такое предположение подтверждается материалами коми-зырянского и удмуртского языков, по крайней мере в современном их состоянии, ср. коми-зыр. *воклысь* 'у брата (взять)', удм. *дышетӥсьлэсь* 'у учителя (взять)', и т. д.⁴ Нам, однако, представляется, что функции этого падежа были значительно более широкими. В противном случае такие примеры его употребления, как удм. *пулэсь лэсьтыны* 'сделать из дерева', было бы трудно объяснить.

Необходимо заметить, что первоначальные функции этого падежа в современных пермских языках в значительной мере утратились. Главной его функцией в этих языках является функция родительного падежа при слове, играющем роль прямого дополнения, ср.: коми-зыр. *Аддза бать-лысь керка* 'Я вижу дом отца', вместо *Аддза батьлӧн керка*; удм. *Кай-ыклэсь саклыкӥсэ уката жутӥз вылысен кылыськись куара* 'Внимание лося привлек звук, слышавшийся сверху'.

Первоначальным ядром для конструкции явились, вероятнее всего, случаи типа: *Босьта мортлысь пурт* 'Возьму у человека нож'. Наличие известных точек соприкосновения между понятиями удаления и понятием принадлежности способствовало тому, что исходный падеж на *-лысь* в данной конструкции был ассоциирован с падежом, обозначающим принадлежность, в результате чего произошло обобщение исходного падежа на *-лысь* в данной конструкции в роли родительного и полное вытеснение употреблявшегося ранее в этой роли собственно родительного падежа.

Внедрение исходного падежа в такой конструкции происходило настолько интенсивно и повсеместно, что в диалектах современного коми-зырянского и удмуртского языков мы не обнаруживаем каких-либо реликтов прежнего состояния. Однако можно предполагать, что первоначально в этой конструкции употреблялся не исходный, а обычный родительный падеж. Некоторые указания на это имеются в памятниках древнепермской письменности. В. И. Лыткин отмечает случаи, когда в древнепермских текстах употребляется родитель-

³ Е. С. Гуляев. Происхождение падежей с элементом *-сь* в коми языке. Историко-филологический сб. Коми филиала АН СССР, вып. 5, Сыктывкар, 1960, стр. 154.

⁴ Там же, стр. 151.

ный падеж вместо современного притяжательного, например: *Кыласны горсö йэн пилэн* 'Услышат глас сына божия'; *Кыласны горсо сынön* 'Услышат глас его'.⁵

Необходимо заметить, что в коми-зырянском и удмуртском языках исходный падеж на *-ысь* иногда употребляется в роли родительного падежа, ср., например, в коми: *Шабуров — русско́й а р м и я ы с ь солдат* 'Шабуров — солдат русской армии'; или в удмуртском: *Со аре народоволец Вера Засулич Петербургысь градоначальникез, э к с е й л э с ь о с к о н о ж а н д а р м з э Т р е п о в е з в и и з* (М. Архипов. Вуж Мултан) 'В этом году народоволец Вера Засулич ранила верного жандарма царя — петербургского градоначальника Трепова'.

В вышеприведенных примерах в одном случае исходный падеж на *-ысь* употреблен вместо исходного (разделительного) падежа на *-лэсь*: *П е т е р б у р г ы с ь г р а д о н а ч а л ь н и к е з . . . в и и з*.

Весьма возможно, что подобные случаи играли в известной степени роль катализаторов, способствовавших закреплению употребления исходного падежа на *-лэсь* (*-лысь*) в роли родительного падежа при прямом дополнении.

В статье „К истории возникновения конструкции типа коми-зырянского *аддза батьлысь керка* (вижу дом отца) в пермских языках“⁶ мы высказали предположение, что *-л* в притяжательном падеже на *-лысь* возникло под влиянием родительного падежа на *-лön* после того, как исходный падеж на *-ысь* стал употребляться в роли родительного падежа при прямом дополнении. Влияние родительного падежа на *-лэн* мы пытались также объяснить наличием гласного э в показателе притяжательного падежа *-лэсь* в удмуртском языке. В настоящее время мы вынуждены отказаться от этого объяснения. Притяжательный падеж в коми-зырянском и удмуртском языках возник совершенно самостоятельно и, как говорилось выше, первоначально был внешнеместным падежом, аналогично финскому аблативу на *-lta*. Проникновение элемента *-л* было вызвано необходимостью обозначать движение от поверхности предмета.

Все исследователи пермских языков к категории *л-овых* падежей обычно причисляют родительный падеж на *-лön* в коми-зырянском и на *-лэн* в удмуртском.

Показатель родительного падежа *-лön* (удм. *-лэн*) представляет соединение окончания *л-ового* суперэссива и пролатива на *-еп*. Первоначально родительный падеж на *-лön*

⁵ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. М., 1952, стр. 118.

⁶ См.: Историко-филологический сб. Коми филиала АН СССР, вып. 4, Сыктывкар, 1958, стр. 195—196.

означал местонахождение у кого-нибудь. Семантика пролатива на -*он* очевидно в какой то мере способствовала развитию этого значения. Позднее этот падеж приобрел уже чисто абстрактное значение принадлежности, хотя следы прежнего значения у него сохраняются по настоящее время.

Локатив на -*п*

Древний *н*-овый локатив представлен в современных пермских языках элементом -*п* в составе окончаний таких падежей, как местный падеж на -*ын* и творительный падеж, имеющий в коми-зырянском языке показатель -*он* (в некоторых диалектах -*ын*), в удмуртском — -*эн* (в некоторых формах -*ын*, например, в формах множественного числа).

Местный падеж на -*ын* является результатом развития общефинно-угорского *н*-ового местного падежа, который первоначально, по всей видимости, имел показатель -*п*.⁷ Рефлексы этого падежа имеются во всех финно-угорских языках, ср. финские наречные формы типа *kotona* 'дома', формы эссива типа *lapsena* 'ребенком', мордовские формы типа *tel'n'e* 'зимой', *v'ep'e* 'ночью', марийские наречные и послеложные формы типа *ülñö* 'внизу', саамск. (кольск.) *vylne* 'нижний', венгерские наречные формы типа *fenn* 'наверху', формы суперэссива типа *vizen* 'на воде', *lovon* 'на лошади', форму местного падежа в мансийском языке, например: *vitən* 'в воде', местный падеж на -*на* в хантыйском языке, например: *путна* 'в горшке' (ср. *пут* 'горшок') и т. д.⁷

Довольно близким к местному по внешней форме является творительный падеж на -*он*, -*эн* (-*ын*).

Некоторые исследователи пермских языков предполагают, что творительный падеж в пермских языках произошел из местного падежа. О правдоподобности этой гипотезы говорят прежде всего данные самих пермских языков. Так, например, в удмуртском языке показателем творительного падежа во множественном числе является -*ын*, например: *tür'ësyn* 'топорами'. В верхневымских говорах коми-зырянского языка творительный падеж также оформляется суффиксом -*ын*, например: *Вокö рöбитö велöдысьын* 'Брат мой работает учителем'.⁸

Языковые данные, свидетельствующие о генетической связи местного и творительного падежей, имеются и в дру-

⁷ J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, стр. 63, 64.

⁸ Т. И. Фролова. Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка. Автореферат канд. дисс. Сыктывкар, 1951, стр. 13.

гих финно-угорских языках. Так, например, в финском языке с локативом на *-na* связаны по происхождению такие образования, как комитатив, имеющий показатель *-ine*, например: *kauniine vaimoinensa* 'с красивой женой', и так называемый инструктив, который, подобно комитативу, употребляется всегда во множественном числе, с показателем *-n*, например: *nelj'in jaloin* 'четырьмя ногами'.⁹ Связь *n*-ового локатива с творительным падежом прослеживается также в хантыйском языке. Ср. хант.: *jurna* 'силой'; *iĵ χu jĵ-ewet na uttarən* 'Мужчина живет со своей сестрой'.¹⁰ Творительный падеж в хантыйском языке также имеет значение совместного падежа, или комитатива. Любопытны такие образования в марийском языке, как послелог *дене*, например: *товар дене руаш* 'рубить топором', *ручка дене возаш* 'писать ручкой', *аваже эргыж дене кая* 'мать идет с сыном', где *-не* является показателем местного падежа. В саамском (норвежск.) языке локатив множественного числа совпадает по форме с комитативом, или совместным падежом, единственного числа, например: *sikkâldâgâin* 'с платком' и *sikkâldâgâin* 'в платках'.¹¹ В ненецком языке местный падеж имеет одновременно значение творительного падежа, например: *палы* 'сабля', но *палыхына* 'саблей', ср. *пэдара* 'лес', но *пэдархана* 'в лесу'.

Возникновение значения совместного и творительного падежей на базе значения местного падежа можно представить следующим образом. Понятие места нередко имеет соприкосновение с понятием совместного пребывания в одном и том же месте, ср. семантическую близость таких выражений в русском языке, как *у меня*, т. е. „в моем доме“ и „со мной“, обозначающее также пребывание с кем-то в одном месте, в частности, в моем доме. Значение творительного, или орудного, падежа легко могло возникнуть на базе совместного падежа, или комитатива, возникшего на базе местного падежа, или локатива: ср., например, такие выражения, как русск. *писать карандашом*, *рубить топором* и т. п. и немедк. *mit Bleischtift schreiben*, *mit Axt hauen*, или татарск. *карандаш белэн язырга*, *балта белэн кисэргэ*, где русскому творительному падежу соответствуют предложные сочетания, означающие 'с чем-либо' (например: „рубить с топором“).

⁹ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. М.—Л., 1955, стр. 14—15.

¹⁰ W. Steinitz. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie. Leipzig, 1950, стр. 51.

¹¹ E. Itkonen. Lappische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis. Helsinki, 1960, стр. 41.

Последовательное развитие всех этих значений можно было бы выразить в виде схемы:



Локатив на -ан

Некоторые явления коми-зырянского и удмуртского языков заставляют предполагать в пермских языках наличие в древности особого местного падежа на -ан, на базе которого мог развиваться в дальнейшем падеж со значением совместного падежа, или комитатива.

Реликты этого падежа обнаруживаются в таких образованиях, как *керкаам* 'в моем доме' и 'в мой дом', *керкаад* 'в твоём доме' и 'в твой дом', *керкаас* 'в его доме' и 'в его дом', удм. *лудам* 'в моем поле' и 'на моем поле', *лудад* 'на твоём поле' и 'на твое поле', *лудаз* 'на его поле' и 'в его поле' или 'на его поле'.

Первоначально эти формы звучали примерно как *керкаанм*, *керкаанд*, *керкаанс*, *луданм*, *луданд*, *луданэ* и т. д. Согласный *н* утратился вследствие превращения сочетания *ан* в носовой гласный, который позднее утратил назализацию и превратился в чистый гласный.

Остатки комитативного значения местного падежа на -ан обнаруживаются в относительных прилагательных на -а, ср. коми-зырянские прилагательные типа *вына* 'сильный', *вёра* 'лесистый', *нюра* 'болотистый', *госа* 'жирный', *гора* 'звучный', *лымъя* 'снежный', *гажа* 'веселый', *ловъя* 'живой', *дона* 'дорогой', *вома* 'болтливый', *гёна* 'покрытый шерстью', *мыжа* 'виноватый', *бия* 'огненный' и т. д. Первоначально эти прилагательные были формами совместного падежа и звучали примерно как *вынан* 'с силой', *лымъян* 'со снегом', *госан* 'с жиром', *гыжан* 'с весельем', и т. д.

Реликтами древнего комитатива на -ан являются также наречные формы в коми-зырянском языке типа *веськыда* 'прямо', *зумыда* 'крепко', первоначально 'с прямою', 'с крепостью', и т. д.

Пролатив на -еп

Наличие в современном коми-зырянском языке таких форм, как *вёрын* 'в лесу' и *кыт-ён* 'где', *тат-ён* 'здесь' свидетельствует о наличии в коми-зырянском языке древнейшей

поры двух вариантов местного падежа: варианта с суффиксом *-ын* и варианта с суффиксом *-өн*. То же самое наблюдалось, по-видимому, и в удмуртском языке. Какие факты дают нам право предполагать, что рассматриваемый падеж имел значение пролатива, т. е. обозначал движение по чему-либо? Об этом прежде всего свидетельствует структура показателя этого падежа. Он состоит из суффикса латива *-е*, (*-е*, *-ä*) и суффикса локатива *-л*. Таким образом, показатель построен аналогично показателю пролатива, или переходного падежа, на *-öd*, например: *vöröd* 'по лесу', где *-ö* является суффиксом латива, а *-д* (исторически из *-т*) суффиксом *т*-ового локатива.

Можно также предполагать, что пролатив на *-еп* одновременно имел значение, довольно близкое к суперессиву на *-л*.

Локатив на *-т*

Суффикс локатива на *-т* в современных пермских языках представлен элементом *-d* (*-t*) в составе показателя коми-зырянского переходного падежа, или пролатива, на *-öd* (перм. *-öm*), удм. *-етй* и в показателе коми-зырянского соединительного падежа на *кöd* (перм. *-кöt*).

Суффикс переходного падежа, или пролатива, по всей видимости, скрывает в себе древнее окончание *т*-ового локатива, сохранившегося в более чистом виде в мансийском языке, ср. манс. *апат* 'в люльке', *ворт* 'в лесу', *тумпыт* 'на острове', и т. д., а также в некоторых реликтовых образованиях в венгерском языке.

Конечное *д* в суффиксе *-öd*, вероятно, возникло из *т*, ср. коми-перм. *vöröt*.

Между местным падежом, или локативом, и переходным падежом, или пролативом, есть известные точки соприкосновения: местный падеж обозначает местонахождение, тогда как пролатив обозначает пребывание в динамике, ср. коми-зыр. *мунö vöröd* 'идет по лесу'.

Гласный *ö* перед окончанием *-д* представляет, по-видимому, суффикс направительного падежа на *-ö*, ср. *vörö* 'в лес', *сиктö* 'в деревню'.

Происхождение соединительного падежа на *кöd* (например: *морткöd* 'с человеком') объяснить довольно трудно. Интересное предположение о происхождении этого падежа имеется у Ю. Вихмана в его работе „Zur permischen Grammatik“.¹² Автор сопоставляет элемент *-кö* в показателе соединительного падежа *-кöd* с показателем древнемарийского

¹² FUF, Bd. XVI, Hft. 2—3, 1924, стр. 253.

комитатива *-ке, -уе*, от которого в современном марийском языке сохранились некоторые реликтовые образования, например: *βatā-уе* 'с женой'.¹³

Что же касается второго элемента этого показателя — *-д*, то Ю. Вихман отождествляет его с суффиксом переходного падежа *-öd*.

Локатив на *-i*

От древнего локатива на *-i* в пермских языках сохранились скудные остатки. Суффикс локатива *-i* обнаруживается в таких послеложных формах, как коми-зыр. *дырйи* 'во время', *пыдди* 'вместо' (из *пыдйи*), *сэни* 'там', *тані* 'здесь', *вöрт-i* 'по лесу', ср. удм. *лудет-й* 'по полю'.

Латив на *-j*

Еще более скудные остатки сохранились в пермских языках от латива на *-j*. Латив на *-j* прослеживается в таких образованиях, как коми-зыр. *дыр-й-и* 'во время', а также в суффиксе удмуртского адвербиального падежа, например: *ужамъя* (*užam-ja*) 'по работе' и соединительного падежа ижемского наречия, например: *кедъя* = коми-зыр. *көд*.

Латив на *-s'*

Латив на *-s'* в современных пермских языках представлен элементом *-s'* в показателях таких падежей, как исходный (коми *вöр-ысь* 'из леса', удм. *луд-ысь* 'с поля'), притяжательный (коми *вöр-лысь* 'леса', удм. *луд-лэсь* 'поля'), отдалительный (коми *вöр-сянь* 'от леса', удм. *луд-ысен* 'от поля'), сравнительный (коми *вок-ся* 'по сравнению с братом'), достигательный (коми *вöрöдз* 'до леса', удм. *луд-озь* 'до поля').

Особой проблемой исторической морфологии пермских языков является вопрос о происхождении исходного падежа на *-ысь*. Суффикс этого падежа в пермских языках имеет несколько вариантов. В коми-зырянском языке в некоторых формах указательно-притяжательного склонения он выступает в форме *-сь*, например: *пыж-сь-ым* 'из моей лодки', *тась* 'отсюда'¹⁴ и т. п. Этот же элемент выступает в некоторых диалектах после основ существительных, оканчивающихся на гласный, например: *Эжвась* 'из Вычегды', *лавкась* 'из магазина'. В лично-притяжательном склонении удмуртского языка исходный падеж имеет суффикс *-ысть*, например, *луд-ысьт-*

¹³ Там же, стр. 152.

¹⁴ Е. С. Гуляев, ук. соч., стр. 132.

ым 'с моего поля', луд-ысьт-ыд 'с твоего поля', луд-ысьт-ыз 'с его поля', луд-ысьт-ымы 'с нашего поля', луд-ысьт-ыды 'с вашего поля', луд-ысьт-ызы 'с их поля'.¹⁵

Суммируя все эти данные, можно сделать вывод: суффикс исходного падежа в пермских языках выступает в совокупности трех элементов: *-сь-т*, которые и должны быть предметом исследования.

Что же касается происхождения первого элемента *-ы* (в некоторых диалектах *-и*), то все исследователи этого вопроса рассматривают его как реликт конечного гласного основы. Как известно, в пермских языках древние конечные гласные в абсолютном исходе слова утрачивались. Будучи прикрыт суффиксом, этот конечный гласный основы мог сохраниться. В пользу такого предположения свидетельствуют некоторые удмуртские формы типа *коркась* 'из избы'. В слове *корка* конечным гласным было *а*, которое присоединяло элемент *-сь* непосредственно. Современные коми-зырянские формы типа *керка-ын* 'в избе', *керка-ысь* 'из избы' являются результатом более позднего переразложения форм по аналогии.

Объяснение происхождения второго составного элемента *-ысь* представляет значительные трудности.

Некоторые исследователи, например, Й. Синнеи, учитывая наличие удмуртского варианта *-ысьт*, прямо отождествляли пермское *-сь* с финско-волжским показателем инессива,¹⁶ ср., например, финск. *talosta* 'из дома'. Эта гипотеза дает вместе с тем возможность отождествлять третий элемент *-т* с общефинно-угорским показателем аблатива *tδ*. Единственное затруднение состоит в отсутствии фонетического тождества между пермским *s'* и прибалтийско-финским *s*.

Е. С. Гуляев предполагает, что в раннее общепермское время употреблялись два показателя исходного падежа — *-сь* и *-сьт*. В одном из них, в суффиксе *-сьт*, возникла контаминация двух показателей, имевших приблизительно одинаковую семантику.

Параллельное употребление двух элативных суффиксов в коми языке не сохранилось. Это, по-видимому, объясняется тем, что элатив с суффиксом *-сьт* (по данным современных коми-диалектов в системе вторичных *сь-э*вых падежей) не был распространенным и устойчивым; он был, возможно, даже локально ограниченным явлением.

Суфф. *-ысь* был, по-видимому, более употребительным элативным показателем в масштабе пермских языков.

¹⁵ Е. С. Гуляев, ук. соч., стр. 132.

¹⁶ J. Szinnyeı, ук. соч., стр. 79.

Мотивом для выдвижения гипотезы о наличии в пермских языках двух элативных суффиксов — *-сь* и *-сьт*, несомненно, послужила трудность разрешения вопроса, почему в языке коми согласный *т* утрачивается в конце слова, но не сохраняется и в середине слова, будучи прикрыт гласным. Почему коми говорят, например: *керкасьыд* 'из твоего дома', *юрсьыс* 'со своей головы', а не *керкасьтыд* и *юрсьытыс*? Далее, почему в серию вторичных *сь-э*вых падежных суффиксов, возникших на базе элативного суффикса, вошел *сь-эвий*, а не *сьт-овый* элатив, хотя для этого также имелись определенные фонетические условия, т. е. почему коми говорят, например: *керкасянь* 'от дома', а не *керкасьтан*?¹⁷

Вышеуказанные противоречия могут быть в известной степени объяснены. Исчезновение элемента *-т* в коми-зырянских формах типа *керкасьыд*, *юрсьыс* может рассматриваться как результат более позднего выравнивания по аналогии форм, имеющих суфф. *-сь* в абсолютном исходе слова. Формы типа *керкасянь* могли возникнуть относительно поздно, когда суфф. *-сьт* уже полностью утратился, — предположение, с которым согласился и сам Е. С. Гуляев.

Вместе с тем наличие в некоторых диалектах коми-зырянского языка таких архаичных наречных образований, как *асульсьтӧм* 'с утра'; *пониисьтӧм* 'с детства'; *первеисьтӧм* 'с первого раза', 'сначала'; *ӧнийсьтӧм* 'с данного момента'¹⁸ с явной элативной семантикой свидетельствует о том, что суфф. *-сьт* был не чужд и языку коми.

Исходя из этих соображений, мы считаем весьма вероятным наличие в пермских языках древнейшей поры суффикса исходного падежа *-сьт*. Конечное *т* в абсолютном исходе слова действительно утрачивалось, ср. коми-зыр. *s'is'* 'свеча', из *s'ist*, ср. мар. *šišṭa* 'воск'.

Конечный элемент *-t* в суффиксе *-s't*, несомненно, находится в генетической связи с общефинно-угорским показателем аблатива *-tδ*. Открытым опять-таки остается вопрос о происхождении элемента *-s'*.

Можно допустить, что элемент *-s'* является своеобразной, чисто пермской диалектной разновидностью *сь-э*вого латива.

Точки опоры для такого предположения имеются в самой падежной системе пермских языков. В этой связи обращает на себя внимание такой падеж, как предельный, или терминатив, имеющий в коми-зырянском литературном языке пока-

¹⁷ См.: Е. С. Гуляев, ук. соч., стр. 140.

¹⁸ Е. С. Гуляев, ук. соч., стр. 137 (Е. С. Гуляев в данном случае использует материалы В. Н. Сорвачевой и Т. П. Жилиной).

затель -*одз*, например: *карөдз* 'до города', в удмуртском — -*озь*, например: *гуртозь* 'до деревни'.

Первоначально в окончании терминатива в пермских языках имелось палатализованное *s'*, что подтверждается данными диалектов коми-зырянского и удмуртского языков; где могут быть показатели типа -*эь*, -*сь*.

Падеж, характеризующийся суффиксом -*s'*, первоначально имел чисто лативное значение и обозначал движение по направлению к чему-либо, наподобие направительного падежа на -*с* в мордовском языке, ср. эрзя-морд. *кудос* 'в дом'.

С течением времени направительный падеж на -*s'* стал обозначать движение до предмета.

Подтверждением такого хода развития первоначального лативного значения может служить эрзя-мордовский язык, где направительный падеж на -*с* может иметь значение терминатива пермских языков.

Таким образом, в показателе древнего исходного падежа -*сьт* понятие удаления от предмета выражалось при помощи форматива -*т*, тогда как форматив -*сь* не имел такого значения. В этом отношении роль форматива -*т* можно было бы сравнить с ролью форматива -*та* в окончании финского элатива -*ста*.

В истории пермских языков, очевидно, был период, когда показателем исходного падежа было одно -*т*. Позднее, для того чтобы показать, что движение происходит из внутренней сферы предмета, был использован суффикс направительного падежа -*з'*, в результате чего получился сложный падежный суфф. -*s't*. Само собой разумеется, что это произошло в тот период, когда суфф. -*s'* имел еще чисто лативное значение.

Исходный падеж на -*s'* в пермских языках послужил базой для образования других падежей, из которых в первую очередь следует назвать коми-зырянский отдалительный падеж на -*сянь* (-*s'an'*).

Отдалительный падеж на -*сянь* совершенно явно образован на модели направительного падежа на -*лань* (-*lan'*) и, следовательно, исторически возник позже направительного падежа на -*лань*.

Образование этого падежа завершилось в тот период, когда древний суффикс исходного падежа -*s't* преобразовался в -*s'*.

В противном случае коми-зырянская форма *керкасянь* 'от дома' стала бы звучать как *керкасьтань*.

Конечный элемент -*нь*, как уже неоднократно указывалось в специальной литературе вопроса, представляет собой показатель латива -*п'*.

В удмуртском языке отдалительный падеж на *сянь* имеет более узкую сферу употребления по сравнению с языком коми: она ограничена наречными формами на *-ла*.¹⁹

В некоторых говорах коми-зырянского языка — летских (с. Слудка), удорских (по р. Вашке) и верхне-вымских — употребляется особая разновидность отдалительного падежа, характеризующаяся показателем *-ысьôдз* (*-иседз*). Падеж на *-ысьôдз* означает движение от какого-либо пункта до данного места, например, в вымском говоре: *Ме Веслянаысьôдз ôті лунôn локті* 'Я за один день прошла от села Весляна [до данного места]'.²⁰

Происхождение этого падежа довольно прозрачно. Он представляет результат контаминации двух падежных суффиксов — суффикса исходного падежа *-ысь* и суффикса предельного падежа *-ôдз*. Падеж возник относительно поздно, на что указывает также его довольно узкое распространение в отдельных диалектах.

В удмуртском языке встречается особая разновидность отдалительного падежа, характеризующаяся показателем *-ысен*, например: *мышкысен* 'сзади', *куалысен* 'от шалаша', *станциысен* 'от станции'. Относительно происхождения этого показателя высказывались самые различные предположения. По мнению Буденца, элемент *-ен* в *-ысен* представляет усиленную или эмфатическую частицу, наподобие усиленных частиц в марийских аблативных суффиксах *-чен*, *-лэчен*, *-гечен*. По Т. Аминову, удмуртский падежный суфф. *-ысен* образовался в результате контаминации двух падежных суффиксов — суффикса исходного падежа *-ысь* и суффикса творительного падежа *-эн*. Следовательно, *-ысен* возникло из *-ысьен*. Венгерский лингвист Д. Фокош-Фукс предполагает, что суффиксы *-сянь* и *-ысен* возникли из одних и тех же морфем, но стали различаться в результате позднейших фонетических изменений.²¹

Е. С. Гуляев предполагает, что суффиксы *-сянь* и *-ысен* возникли не одновременно. Суфф. *-сянь* возник до процесса перехода конечного гласного в состав суффикса *-ысь*, тогда как *-ысен* мог возникнуть после того, как суффикс исходного падежа получил фонетический облик *-ысь* (это произошло, по-видимому, в поздний период общепермского языка-основы).²²

¹⁹ Е. С. Гуляев, ук. соч., стр. 142.

²⁰ Там же.

²¹ D. R. Fokos-Fuchs. Beiträge zur Grammatik der permischen Sprachen. JSFOu, XXX, стр. 10 (там же изложены точки зрения Буденца и Аминова).

²² Е. С. Гуляев, ук. соч., стр. 150.

Формирование удмуртского суффикса *-ысен*, замечает далее Е. С. Гуляев, вероятно, происходило независимо от суффикса *-сянь*. Суфф. *-ысен* возник путем контаминации *-ысь* и показателя локатива *-н*, хотя не исключены и другие пути его возникновения.²³

Семантика падежа на *-ысен* также противоречива. С одной стороны, она ничем не отличается от семантики падежа на *-сянь*, ср., например, такие примеры, как *станциысен* 'от станций'. В то же время падеж на *-ысен* может иметь значение местного падежа. Особенно интересными в этом отношении являются примеры, приводимые Е. С. Гуляевым в указанной выше статье: *Со сярись Быков ырон дорысен ик тодӱз* (М. Архипов. Буж Мултан, 129) 'Об этом Быков узнал только на пахоте'; *Мултан базарышен адзиськеммы бере ялан тон сярись малпай* (Там же, 120) 'После встречи на Мултанском базаре я все время думаю о тебе'; *Толон арестованнойёсты Мултанэ вайыкузы Олӧшлэн атаез урамысен пумиськем Исьтоклы тамак мед ваёзы шуэм* (Там же, 206) 'Вчера, когда вели арестованных в Мултан, отец Алексея сказал Исьтоку, встретившемуся на улице, чтобы принесли табак'; *Сюрес вылысен врачлы со дугдылытэк мадиз удмуртъёслэн „адями вӧсян сямзы“ сярись* (Там же, 173) 'В дороге он не умолкая рассказывал врачу сказки про „обряд жертвоприношения“ удмуртов'; *Школа паласен дышетисез адзи* (Удм.-русс. словарь. М., 1948, 230) 'Я увидел около школы учителя'; *Ульчаысен Павел эркын лулскиз но картуззэ пыдлӧ зӧбиз* (Грамм. удм. яз., ч. I) 'На улице Павел свободно вздохнул и глубже надвинул кепку'.²⁴

Нам кажется, что Аминов стоял ближе всего к истине, когда в составном элементе *-ен* суффикса *-ысен* видел суффикс творительного падежа на *-ен*. Показатель *-ысен* представляет соединение двух суффиксов — суффикса исходного падежа *-ысь* и суффикса пролатива *-ен*. Падеж на *-ысен* в удмуртском языке обозначает местонахождение предмета, в известной степени удаленного от говорящего. Позднее, когда в удмуртском языке создалась сфера употребления удалительного падежа на *-сянь* (в современном удмуртском языке этот показатель встречается только в наречиях), падеж на *-ысен* одновременно получил значение отдалительного падежа, чему не могло не способствовать наличие в его показателе суффикса исходного падежа *-ысь*.

²³ Е. С. Гуляев, ук. соч., стр. 151.

²⁴ Там же, стр. 158.

С исходным падежом на *-ысь* генетически, несомненно, связан так называемый сравнительный падеж на *-ся*, употребляющийся во всех диалектах коми-пермяцкого и в некоторых диалектах коми-зырянского языка (в лузском, верхне-сысольском и среднесысольском).

Примеры, приводимые Е. С. Гуляевым на употребление сравнительного падежа, совершенно явно указывают на семантическую связь этого падежа с исходным падежом на *-ысь*, например: *Ош кӧинся ёнжык* 'Медведь сильнее волка'; *Дзодзӧг уткася ыджыджык* 'Гусь больше утки' (Ужга). В некоторых языках, где сравнительный падеж отсутствует, подобные отношения могут выражаться при помощи обычного исходного падежа. Исходный падеж для выражения этих отношений может употребляться также в коми-зырянском и удмуртском языках. Ср., например, коми-зыр. *таысь донтӧм* 'дешевле этого'.

Такие значения, как 'кроме', могли легко развиваться на базе первоначального отдалительного значения.

Сравнительный падеж на *-ся* можно рассматривать как вариант исходного падежа на *-ысь*, *-сь*.

Следы исходного падежа на *-s'a* в реликтовом виде сохраняются также и в тех диалектах коми-зырянского языка, где падеж на *-s'a* фактически отсутствует, например: *бӧрся* (*bers'a*) 'следом, за'.

Весьма вероятно, что падежные суффиксы исходного падежа *-ысь*, *-сянь* и *-ся* имели первоначально семантические различия. Суфф. *-ысь* означал движение из внутренней сферы предмета наружу, например: *керкаысь* 'из дома'; суфф. *-сянь* означал движение от внешней поверхности предмета или со стороны предмета в сторону говорящего, тогда как суфф. *-ся* означал движение от предмета по направлению к чему-либо, но не в сторону говорящего. По своему составу суффикс сравнительного падежа сложный. Он образовался в результате соединения показателей двух лативных падежей — латива на *-s'* и латива на *-а*. Ко времени образования этого суффикса латив на *-s'* в случаях, когда употреблялись сложные падежные показатели, уже приобрел значение исходного падежа. Таким образом, сама структура показателя сравнительного падежа подтверждает наше предположение о том, что этот падеж обозначал первоначально движение от предмета по направлению к чему-либо, но не в сторону говорящего.

Может возникнуть вопрос, почему сравнительный падеж на *-s'a*, показатель которого составлен из двух лативных суффиксов, обозначал удаление от предмета.

Это произошло потому, что суффикс древнего латива в показателях *-ысь*, *-сянь* и *-ся* был переосмыслен как суффикс исходного падежа.

К группе так называемых *сь-эвых* падежей, как уже говорилось выше, мы считаем возможным отнести также современный достигательный падеж, или терминатив (коми-зыр. *-ӧдз*, удм. *озь*). Достигательный падеж исторически мог возникнуть из древнего специфического пермского латива на *-сь*.

Мысль о связи показателя коми-зырянского терминатива с каким-то лативным показателем впервые была высказана Ю. Вихманом. Вихман сопоставлял его с лативным суффиксом *-s'*, встречающимся в некоторых наречиях места в северных диалектах остяцкого (хантыйского) языка, например: *nygys'* 'вниз', *vytyś'* 'к берегу', *toγos'* 'туда', *siis'* 'сюда', *poγos'* 'вверх', *kimis'* 'вон', *ioγos'* 'назад'. Севернохантыйское *s'*, по мнению Вихмана, указывает на его происхождение из аффрикаты *t's'*, что очень хорошо согласуется с пермским *-d'z'*.²⁵ А. И. Емельянов сближал суффикс терминатива *-dz'*, *-z'*, *-s'* с финно-угорским лативным суффиксом *-s—z* (+ передний гласный).²⁶

Латив на *-а*

В древности в пермских языках существовал особый направительный падеж, или латив, на *-а*. В современных пермских языках этот падеж представлен формами направительного падежа определенно-притяжательного склонения, напр., коми-зыр. *керка-а-м* 'в мой дом', *керка-а-д* 'в твой дом', *керка-а-с* 'в его дом', удм. *гурт-а-м* 'в мою деревню', *гурт-а-д* 'в твою деревню', *гурт-а-з* 'в его деревню', и т. д. Реликтовые остатки этого падежа сохраняются в некоторых формах послелогов типа коми-зыр. *кузя (ku-z'-a)* 'вдоль', 'по'. Кроме того, суффикс этого падежа входит в состав некоторых падежных показателей — достигательного падежа на *-ла (-l-a)*, где *-l* — суффикс суперэссива, сравнительного падежа на *-ся (-s'-a)*, включающего в себя суффикс латива *-s'*, направительного падежа на *-лань (-l-a-n')*, отдалительного на *-сянь (-s'-a-n')*. Он входит также в состав таких образований как коми-зыр. *кытчань* 'куда', *сэтчань* 'сюда'. Далее, он обнаруживается в показателе удмуртского наречного падежа на *-j'-a*, например: *ужамъя* 'по работе'.

²⁵ Y. Wichmann. Zur permischen Grammatik. FUF, Bd. XVI, Hft. 2—3, 1924, стр. 162.

²⁶ А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927, стр. 125.

Л а т и в н а -п'

В пермских языках древнейшей поры существовал, наряду с другими направительными падежами, также латив на -п'.

В современных пермских языках в чистом виде латив на -п' не встречается. Он обнаруживается в некоторых образованиях типа *кытчань* 'куда', *сэтчань* 'туда', *кымынь* 'ничком, ниц', а также в показателях приблизительного падежа -лань и отдалительного -сянь.

О л а т и в а х н а -i (-y) и -e

Согласно широко распространенной в финно-угроведении гипотезе гласный *ы* в составе показателя местного падежа -ын (например: коми-зыр. *вöрын* 'в лесу', удм. *гуртын* 'в деревне') рассматривается как конечный гласный древней основы слова, впоследствии отошедший к падежному окончанию.

Формы вступительного падежа типа коми-зыр. *вөрö* 'в лес', удм. *гуртэ* 'в деревню' обычно возводятся к более древней форме **вөрök*, **гуртэк*. После отпадения конечного лативного суффикса -к остался конечный гласный основы *ö*, *э*, который позднее был воспринят как специальное окончание вступительного падежа.

Однако эта гипотеза не устраняет основного противоречия: почему конечный гласный основы подвергается довольно странному чередованию?

В специальной литературе вопроса имеются попытки объяснить это загадочное явление. Д. Р. Фокош-Фукс предполагал, что различие качества конечного гласного основы зависело от качества некогда после него стоявшего, но ныне исчезнувшего согласного звука.²⁷ Д. В. Бубрих пытался объяснить это различие особенностями ударения в пермских языках древней поры.²⁸

Вместе с тем обращает на себя внимание и другой факт. В некоторых уральских языках показатели местного и исходного падежей содержат суффикс лативного происхождения; ср., например, финск. *talossa* 'в доме' (из *talo-s-na*), *talosta* 'из дома' (из *talo-s-ta*), где -s является суффиксом так называемого с-ового латива, или ненецкого *tohona* 'в озере', *tohod* 'из озера', где -ho — суфф. латива, родственный финно-

²⁷ D. R. Fokos-Fuchs. A lokativus féle hatorozok a votjakban. НуК, XXXVI, 1906, стр. 212.

²⁸ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948, стр. 65.

угорскому лативному суффиксу *-ка*. Не вернее ли предположить, что гласные *ы* и *ö* (*э*) в вышеприведенных примерах являются показателями особых направительных падежей — направительного падежа на *-i* (*-у*) и направительного падежа на *-е*? В древности, по-видимому, существовали у этих падежей какие-то семантические различия, которые в настоящее время довольно трудно определить.

О некоторых специфических падежных формах, встречающихся в диалектах коми-зырянского и удмуртского языков

В диалектах этих языков встречаются падежные образования, отсутствующие в соответствующих литературных языках. Так, например, в лузско-летском говоре встречается соединительный падеж на *-мыд*, например: *Ми лактiм тöварышмыд* 'Мы пришли с товарищем'.²⁹

Ю. Вихман предполагает, что конечный элемент *-д* по происхождению совершенно тождествен конечному элементу *-д* в суффиксе соединительного падежа *-көд*. Второй элемент *-мы* Вихман обнаруживает также в послелого *мы-сьтi* 'после'.³⁰ Таким образом, основа слова *мы*, по Вихману, означает 'задняя часть' и может быть соотнесена с венг. *mög*, мар. *möngö* 'домой', морд. *мей*, *мйй*, саамск. *таһа*, финск. *myös*, *myötä*, *myöden*, *myöstää*.³¹

Следовательно, предложение *Ме лактi тöварышмыд* могло первоначально обозначать: 'Я пришел вслед за товарищем', откуда позднее могло развиваться значение: 'Я пришел с товарищем'.

В говоре коми, живущих на Кольском полуострове (Ловозеро), диалектологами отмечено наличие своеобразного направительного падежа на *-лас*, употребляемого обычно с послелогом *дорэ* 'к', например: *Школас дорэ мунi*. 'Ушел (он) в направлении школы'.³² Элемент *-ла* в показателе *-ла-с* несомненно является тождественным элементу *-ла* в показателе направительного падежа на *-лань* и восходит к древнему лативу на *-ла*.

²⁹ Т. И. Жилина. О говоре села Слудка. Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. 3, Сыктывкар, 1956, стр. 82.

³⁰ Y. Wichmann, ук. соч., стр. 152.

³¹ Там же.

³² По данным М. А. Сахаровой и Н. Н. Селькова.

В диалекте ижемских коми, а также в говоре коми, живущих на Оби, отмечены формы соединительного падежа на *-кедйи*, *-кедйа*. Ю. Вихман не без основания считает наращенные *-йи*, *-йа* наречными окончаниями, ср., например: *дырйи* 'во время'.³³

Такие же наращенные иногда встречаются и у окончания лишительного падежа, например, в говоре ловозерских коми (Кольский полуостров): *сы тӧгъя* 'без него'.³⁴

В иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка количество падежей значительно увеличилось за счет превращения в падежные показатели послеложных форм *вылӧ*, *вылын*, *вылысь*, *вывсянь*, *вылӧть*, *вылӧдз*, в результате чего возникли новые падежи типа *пызанвын* 'на столе' (из *пызан вылын*), *мувысь* 'с земли' (из *му вылысь*), *муввӧ* 'на землю' (из *му вылӧ*), *горвысянь* 'с печки' (из *гор вывсянь*), *муввӧдз* 'до земли' (из *му вылӧдз*), *посвӧть* 'по мосту' (из *посвылӧть*).³⁵ Таким образом, в иньвенском диалекте возникла целая серия вторичных внешнеместных падежей.

В глазовском наречии удмуртского языка употребляется особая форма направительного падежа на *-п'е*, например: *ныльне* 'девушке'. А. И. Емельянов возводит показатель этого падежа к слову *инь* 'место'.³⁶

В том же наречии встречается суффикс переходного падежа *-ки*, например: *s'uresiki* 'по той дороге'.³⁷

В верхневамском говоре удорского диалекта коми языка существует особый творительный, вернее соединительный, падеж с показателем *-нынi* (*-ныннi*), например: *Пуйс вужны-нынiс пӧри* 'Дерево свалилось вместе с корнями'.³⁸ Объяснить происхождение этого падежа трудно. Возможно, что показатель *-нынi*, *-ныннi* имеет, как предполагает В. А. Сорвачева, какую-то связь с словообразовательным суффиксом *-нан* в обобщительных местоимениях типа *кыкнан* 'оба', 'в составе двух'; *куимнан* 'трое', 'в составе трех'.³⁹

Диалектные расхождения в рассматриваемой сфере в общем незначительны. Развитые диалектные падежные формы иногда

³³ У. Wichmann, ук. соч., стр. 153.

³⁴ По данным Т. И. Жилиной и Н. А. Колеговой.

³⁵ См.: А. С. Кривошекова-Гантман. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. Уч. зап. Пермского Гос. пед. ин-та, вып. 17, 1958, стр. 128, 129, 130.

³⁶ А. И. Емельянов, ук. соч., стр. 123.

³⁷ Там же.

³⁸ В. А. Сорвачева, Морфологические особенности верхне-вашского говора. Автореферат канд. дисс. Сыктывкар, 1950, стр. 7.

³⁹ Там же.

в реликтовом состоянии обнаруживаются в литературных языках. Таким, например, является сравнительный падеж, реликт которого сохранился в послелого *бэрся* 'за' литературного коми языка. Специфический для удмуртского языка наречный падеж обнаруживается в реликтовом состоянии в некоторых диалектах языка коми. Все это говорит о том, что в древности пермские языки обнаруживали больше общих черт, чем в настоящее время.
